

М. А. Южанин

*Кандидат социологических наук, доцент,
член Российского общества социологов,
udod2002@yandex.ru*

*Кафедра «Социология, психология и социальный менеджмент»,
Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет),
Москва, Российская Федерация*

Международные миграции и межэтнические взаимодействия в современном мире: особенности социальной актуализации

***Аннотация:** В представленной статье рассматриваются особенности социальной реализации процессов международных миграций и межэтнических взаимодействий в современном мире. Автор последовательно сосредоточивает внимание на анализе статистических данных, движущих сил и факторов интернациональных миграционных перемещений, затрагивающих глобализирующийся планетарный социум в целом и Россию в частности. Особое место в исследовании уделяется проблематике социокультурной адаптации в контексте межэтнических отношений, формированию различных поведенческих моделей и стратегий интеракции между представителями различных народов и культур мира, а также актуальным вопросам разработки и практического осуществления эффективной интеграционной политики государства по отношению к полиэтническому и мультикультурному контингенту своего населения. Материалы данной статьи призваны содействовать как научному осмыслению, так и практическому достижению гармонизации межэтнических и межкультурных взаимодействий на различных уровнях организации общественной жизни.*

***Ключевые слова:** международные миграции; межэтнические взаимодействия; трудовые мигранты; социокультурная адаптация; иноэтническая среда; аккультурация; интеграция; мультикультурализм; поведенческие стратегии межэтнических интеракций.*

М. А. Yuzhanin

*Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof.,
member of Russian Sociological Society,
udod2002@yandex.ru*

*Moscow aviation institute (National research university),
Department of «Sociology, psychology and social management»,
Moscow, Russian Federation*

International migrations and ethnic interactions in the modern world: features of social actualization

Annotation: *The presented article researches the features of the social implementation of the processes of international migration and ethnic interactions in the modern world. The author consistently focuses on the analysis of statistical data, driving forces and factors of international migration movements affecting the globalizing planetary society in general and Russia in particular. A special place in the study is paid to the problems of sociocultural adaptation in the context of interethnic relations, the formation of various behavioral models and strategies of interaction between representatives of different peoples and cultures of the world, as well as topical issues of the development and practical implementation of an effective integration policy of the state in relation to the multiethnic and multicultural contingent of its population. The materials of this article are intended to contribute to both scientific understanding and practical achievement of harmonization of ethnic and cross-cultural interactions at various levels of public life's organization.*

Keywords: *international migrations; ethnic interactions; labor migrants; sociocultural adaptation; foreign ethnic environment; acculturation; integration; multiculturalism; behavioral strategies of interethnic interactions.*

Прошедшие два десятилетия XXI века убедительно свидетельствуют о сохраняющейся высокой степени актуальности проблематики межэтнических и кросс-культурных взаимодействий в современном мире. Незвизрая на происходящие в различных сферах общественной жизни глобализационные процессы, человечество при этом отнюдь не превратилось в единый конгломерат граждан планеты, вопреки прежним прогнозам адептов вариативных концептуальных версий транснационализма. Напротив, сохранение своей национальной, этнической, конфессиональной идентичности, социокультурной самобытности и уникальности для множества людей, населяющих разные страны и континенты, сегодня становится жизненно важным и необходимым. Для обозначения данного явления в современных общественных науках существует понятие «этнический ре-

нессанс», охватывающий государства и социумы различных типов и стадий развития (аграрных, индустриальных и постиндустриальных).

В итоге наряду с происходящей транснациональной циркуляцией созданных по унифицированным стандартам товаров, услуг, технологий, культурной продукции, поведенческих моделей и установок происходит устойчивый рост самосознания представителей разных культур и народов Земли, ощущения ими своей отличительности и права на автономность, что закономерно приводит к так называемой фрагментаризации — разделению современного человечества на множество разнородных и порой контрастирующих политико-идеологических, конфессиональных, этнических, гендерных и прочих сегментов и локальных сообществ. Сложную диалектическую взаимосвязь процессов глобализации и локализации, таким образом, правомерно рассматривать в качестве одного из наиболее характерных атрибутов сегодняшней социальной действительности. Еще одним отличительным ее признаком является также обусловленная глобализацией перманентно возрастающая частота международных миграционных перемещений, следствием чего в конечном счете становится все большая активизация межэтнических и кросс-культурных взаимодействий.

Примечательно, что важным элементом так называемой «Повестки дня в области устойчивого развития» мирового сообщества, принятой в 2015 г. под эгидой ООН на период до 2030 года, становится признание позитивного вклада миграционных процессов в обеспечение вышеназванного типа развития. Одиннадцать из семнадцати провозглашенных целей в области устойчивого развития содержат задачи и индикаторы, которые применимы к миграции и социальной мобильности в современном мире. Во всех случаях главным идейным принципом принятой Повестки является слоган: «никто не будет забыт», применимый ко всем людям, включая различные категории мигрантов.

В числе сформулированных в рамках вышеназванной Повестки приоритетов и задач особый акцент сделан на необходимости содействия регулируемой, легальной, безопасной, ответственной географической мобильности и миграции индивидов и социальных групп. В подобном контексте принципиальное значение, разумеется, приобретает осуществление продуманной и тщательно спланированной государственной миграционной политики. К другим задачам относятся: борьба с торговлей людьми, снижение операционных расходов при осу-

щении денежных переводов, обеспечение студенческой мобильности и т.д.

Как показывает сегодняшняя социально-историческая практика, среди комплекса условий, вызывающих интенсификацию международных миграционных процессов, преобладают демографические и экономические факторы. За последние несколько десятилетий в высокоразвитых странах так называемого «золотого миллиарда» проявилась тенденция перманентного снижения рождаемости, следствием чего стал масштабный демографический кризис, возрастающий дефицит рабочей силы, особенно в непрестижных и низкооплачиваемых сферах рынка труда. В то же самое время в государствах Азии, Африки, Центральной и Южной Америки происходил бурный рост численности населения, создающий трудоизбыточные ресурсы. Вместе с тем вплоть до сегодняшнего дня продолжает происходить серьезнейшая поляризация, приведшая к огромному разрыву в уровне и качестве жизни контрастирующих между собой мировых регионов. Иными словами, в терминологии мир-системного анализа, процветающий и благополучный «Центр» все больше отдаляется от пауперизированной «периферии». В результате, активизировались международные миграции, прежде всего, трудоспособного населения развивающихся стран, ставшие закономерным «ответом» на возникшие глобальные «вызовы» и проблемы.

Вместе с тем следует иметь в виду, что многие высококвалифицированные специалисты, занимающиеся сложным интеллектуальным трудом, также не остаются в стороне от международных миграционных перемещений, уезжая на постоянное место жительства за рубеж в поисках более достойной жизни и лучших возможностей для своей профессиональной самореализации. Подобный процесс, получивший название «утечки мозгов», в наши дни оказывается весьма актуальным и для современной России, о чем еще будет сказано далее. Наряду с вышеназванными, несомненно, можно выделить и иные факторы, обуславливающие увеличение количества международных миграционных перемещений в современном мире, например, развитие транснациональной экономической деятельности, бегство людей от последствий региональных и локальных вооруженных конфликтов, стихийных бедствий и экологических катастроф, а также рост зарубежного туризма, отмена или облегчение визового режима для граждан многих стран, распространение академической мобильности в сфере образования, науки, культуры и т.д.

Как свидетельствуют данные международной статистики, приводимые ООН, в настоящее время около 300 млн. вариативных категорий мигрантов, включая приехавших на постоянное место жительства иммигрантов, иностранных рабочих, беженцев, предпринимателей, студентов и др., пребывают за пределами своей родины¹, находясь в перманентном контакте с представителями иных народов и культур. При этом ожидается, что в обозримом будущем данный показатель только возрастет. Разумеется, в мире могут происходить и события, на время снижающие интенсивность международных миграций (наподобие поразившей и парализовавшей человечество пандемии вируса COVID-19), однако преобладающая тенденция, в конечном счете, продолжает сохраняться.

Согласно уже имеющейся детализированной статистике, в 2019 году количество международных мигрантов в мире достигло исторического максимума в 272 миллиона. С точки зрения социально-демографического состава миграционного контингента, 48% от общего числа переселенцев образуют женщины, а 52% — мужчины. Среди всей массы переселенцев 164 млн. чел. относятся к категории трудовых мигрантов, примерно 38 миллионов — это дети, а 4,4 миллиона — прибывшие из-за рубежа студенты. Три четверти миграционного потока представлены людьми трудоспособного возраста от 20 до 64 лет. По континентам складывается следующая картина: около 31% всех мигрантов проживают в Азии, 30% находятся в Европе, 26% обитают в Северной и Южной Америке, 10% стали резидентами африканского материка и лишь 3% пребывают в Австралии и Океании.

Немаловажным аспектом изучения особенностей международных миграционных процессов является рассмотрение приоритетных стран и направлений перемещения людей. Согласно статистическим данным ООН, наибольшее количество мигрантов оказалось в США (51 миллион), за ними с большим отрывом следуют Германия и Саудовская Аравия (по 13 миллионов). Россия занимает четвертое место в мире по числу принятых мигрантов (12 миллионов человек) и такое же — по их «поставке» в другие страны (10 миллионов). Вслед за нашей страной пятое место — у Соединенного Королевства (10 миллионов). Примеча-

¹ Примечание: приводимые здесь и далее статистические сведения содержатся на Портале глобальных данных о миграции // https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019.

тельно, что, с точки зрения своего происхождения, треть международных мигрантов составляют выходцы из сравнительно ограниченного числа государств. Самой крупной страной-источником переселенцев является Индия (18 миллионов человек, проживающих за рубежом), далее следуют Мексика (12 миллионов эмигрантов), Китай (11 миллионов), Российская Федерация (10 миллионов уехавших), за ней идет Сирия (8 миллионов переселенцев и беженцев).

Если детальнее анализировать миграционную ситуацию в России, то можно констатировать, что большая часть мигрантов, приезжающих в нашу страну, это выходцы из стран Средней Азии — региона, в котором длительное время сохранялась высокая рождаемость, но при этом наблюдался дефицит фактически имеющихся рабочих мест. После развала социалистической системы и в условиях грянувшего социально-экономического кризиса постсоветского пространства, Россия для них стала своеобразным центром притяжения, дающим возможность обрести хоть какую-то стабильную занятость, преимущественно в сфере строительства, дорожных работ, торговли, коммунальных и иных услуг. Согласно существующим экспертным оценкам, в России все еще сохраняется высокая потребность в ручном труде, которую в основном и удовлетворяют иностранные гастарбайтеры. Часть мигрирующих выходцев из Средней Азии, впрочем, пытается уехать на заработки в Южную Корею или в Объединенные Арабские Эмираты, однако там им приходится вступать в серьезную конкуренцию с приезжими работниками из других стран, и в этом противостоянии они далеко не всегда преуспевают. Что касается перспектив трудовой миграции в государства Европы или Северной Америки, ситуация для постсоветских среднеазиатских мигрантов сильно осложняется необходимостью владения соответствующими языками и высокой стоимостью переезда туда. Напротив, Россия оказывается для них значительно привлекательнее и ближе в географическом, экономическом и культурно-языковом отношениях (во многом за счет общего исторического прошлого).

Наряду с существующей тенденцией иммиграции в Россию низкоквалифицированных специалистов складывается и иной тренд — отъезд из нашей страны преимущественно профессионалов с высшим образованием и учеными степенями (ранее этот процесс уже обозначался как «утечка мозгов»). Зачастую представители крупных иностранных компаний специально ищут и находят для себя среди выпускников

ведущих отечественных вузов потенциальных работников, желающих переехать за рубеж. Молодые люди чаще уезжают не только ради более высокой зарплаты и лучшего качества жизни, но и в поисках интересной, творческой и перспективной работы, возможности практиковаться на новейшем оборудовании, совершать научные открытия и достигать полноценной профессиональной самореализации. Наиболее востребованными за границей оказываются IT-специалисты, программисты, инженеры-конструкторы, молодые ученые в области физики, математики, микробиологии, прикладных исследований и т.д.

Понятно, что неизбежным результатом столь массовых международных миграций становятся различные варианты интеракций мигрантов с принимающим этнокультурным большинством, реализующиеся как на социально-групповом, так и на индивидуально-личностном уровнях. В то же время характерная для всякой этнической общности культурно-коммуникативная и социально-психологическая отличительность, в действительности, неизбежно порождает проблематичность практически любого межэтнического общения, участники которого в большей или меньшей степени сталкиваются с трудностями рассогласования социальных ожиданий, ценностных ориентаций, фоновых знаний, норм, паттернов восприятия и поведенческих установок. Принимая во внимание сформировавшийся полиэтнический облик едва ли не всех ныне существующих национальных государств, можно констатировать, что актуальность обозначенной выше проблематики приобрела воистину глобальный характер. Таким образом, на современном социально-историческом этапе создалась беспрецедентная ситуация, в интерактивном и коммуникативном плане требующая от отдельных людей и человечества в целом сложнейшей работы не только понимания и принятия иного взгляда на мир, запечатленного в других этнических культурах, но и переосмысления этнических основ собственного существования². Однако реально складывающаяся практика межэтнических и кросс-культурных взаимодействий в сегодняшнем мире пока что очень далека от возвышенного идеала. Повсеместное достижение гармонизации отношений разных этнокультурных и конфессиональных сообществ в одном социально-территориальном пространстве, паритетного признания и уважения их самобытности, соблюдения прав и

² См.: Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология. — М., 2011. С. 193.

законных интересов продолжает оставаться делом отдаленного будущего. Настоящая же действительность по-прежнему демонстрирует противоположные явления и процессы, включая многочисленные случаи ксенофобии, расизма, радикального этнонационализма, депривации и дискриминации по признаку этничности, вооруженных конфликтов на соответствующей почве. Постсоветское пространство также не остается в стороне от деструктивных межэтнических противоречий и проблем, ставших следствием болезненных трансформаций после развала некогда единой страны. Неразрешенные конфликты в Нагорном Карабахе, на востоке Украины, в Южной Осетии и Абхазии, Приднестровье и т.д. являются лишь некоторыми наглядными тому подтверждениями.

Охарактеризованные выше этносоциальные коллизии, глобальная необходимость достичь диалога и консенсуса представителей разных культур и народов планеты предопределяют чрезвычайную актуальность изучения феномена социокультурной адаптации этнических общностей, в том числе мигрантов, оказавшихся в незнакомой и чужой им среде. Социологическое рассмотрение данной проблематики, помимо прочего помогает определить пути и способы преодоления этнокультурной дистанции и выбора конструктивных, взаимовыгодных поведенческих моделей межэтнических интеракций и коммуникаций. Поиск решений вышеуказанных задач весьма актуален и для современной России, превратившейся в страну-реципиента, занимающую, как уже отмечалось, в настоящее время четвертое место в мире по количеству иммигрантов, принимающую миллионы переселенцев отнюдь не только с постсоветских территорий. При этом РФ крайне необходимо сформировать собственный позитивный опыт по социализации прибывающего в нашу страну контингента новых жителей. Учитывая уже сложившуюся зарубежную практику, одним из наиболее важных шагов в этом направлении должно стать создание и обеспечение функционирования специальных государственных и общественных структур, оказывающих целый комплекс услуг для иностранных мигрантов. К числу подобных социально-сервисных функций относятся: культурно-языковая подготовка, правовое консультирование, услуги по поиску и аренде жилья, справочно-информационное консультирование, медицинское освидетельствование и страхование, обучение различным видам работ, осуществление транснациональных денежных переводов и др.

Необходимость успешной реализации названных направлений деятельности обусловлена тем, что иммигранты в современной России, как и в других странах мира, сталкиваются с серьезными проблемами. При ближайшем рассмотрении даже среди миллионов людей, приезжающих в РФ из постсоветских республик, отнюдь не все в должной мере знают русский язык, культурные и социально-экономические особенности принимающей их страны. Особенно актуально данное замечание для молодежи, социализировавшейся в новых независимых государствах уже после развала СССР. Разумеется, мигрантам из стран дальнего зарубежья в связи с еще большей социально-культурной дистанцией адаптироваться к новым условиям проживания намного сложнее.

Особое значение в сложившихся российских реалиях приобретает эффективная ресоциализация прибывших в нашу страну трудовых мигрантов, нередко называемых гастарбайтерами и составляющих наибольшую по численности группу переселенцев. Несмотря на то, что они ориентированы в первую очередь на заработок, эти люди также нуждаются хотя бы в элементарном знании языка, традиций, культуры и норм поведения принимающего социума. Следует учесть, что многие трудовые мигранты, изначально приехавшие в нашу страну на время, из финансово-экономических соображений, постепенно, по мере своей адаптации и интеграции в российскую социально-культурную действительность, переосмысливают жизненные ориентиры, стремясь получить гражданство РФ (или хотя бы вид на жительство).

Применительно к процессу социокультурной адаптации в иноэтнической среде необходимо иметь в виду, что она представляет собой процесс и результат многоплановой интеграции этносоциальных субъектов, как индивидуальных, так и групповых, в иную социально-культурную среду. Подразумевается, что в случае эффективного прохождения адаптации этнические общности и отдельные индивиды не просто приспособляются к новым условиям жизни, но и полностью осваиваются в них, принимают иной культурно-цивилизационный фрейм, приобретают комплекс новых знаний, умений и навыков, помогающих успешно решать нетривиальные повседневные задачи.

Вместе с тем было бы заблуждением полагать, что в освоении традиций, обычаев, ценностей, норм, коммуникативного кода иной культуры нуждаются лишь мигранты. Принимающему населению (этносоциальному большинству) также необходимы не только базовые

представления о социокультурных особенностях переселенцев, прибывающих из других стран, но и формирование поведенческих установок на толерантное, конструктивное общение и взаимодействие с иноэтническими субъектами. В связи с этим осуществление просветительской работы подобной направленности среди автохтонных жителей становится одной из важнейших задач государственной идеологии и политики, СМИ и массовой культуры в целом.

Еще одна важная проблема, возникающая в контексте актуализации межэтнических адаптационных интеракций, порождается несовпадением социально-статусных характеристик вступающих в контакт этногрупп, формированием модели взаимоотношений «большинство — меньшинство» и соответствующим неравным доступом к общественным ресурсам и благам. В результате складывается перцептивное и социально-статусное противостояние между господствующим этнокультурным большинством и иноэтническим меньшинством, стремящимся добиться справедливой реализации собственных законных интересов и прав. Рассогласование социальных притязаний и реальных возможностей адаптирующихся этнических субъектов, попавших в некомфортную инокультурную среду, естественным образом порождает у них целенаправленные усилия по преодолению возникших противоречий и комплексному удовлетворению своих потребностей.

Одновременно и этнокультурному большинству принимающего социума приходится тем или иным образом реагировать на появление рядом с ним аллохтонных этногрупп и выбирать различные стратегии и модели взаимодействия, спектр которых варьируется от полного отторжения «пришлых» субъектов до благожелательного к ним отношения и налаживания конструктивного кросс-культурного общения. Следствием всего сказанного выше становится множественность реализации конкретных социально-практических форм межэтнических интеракций в ходе двусторонней адаптации, поскольку последняя отнюдь не обладает положительной коннотацией и не всегда заканчивается достижением взаимного принятия этнокультурного большинства и меньшинства, а может, напротив, обернуться отторжением инородной культуры и ее носителей и неспособностью интегрироваться в новую действительность.

Еще одной характерной чертой социокультурной адаптации в контексте межэтнических взаимодействий является поливариантность направлений ее актуализации. В итоге можно выделить три базовых изме-

рения рассматриваемого типа адаптации: социально-психологическое, культурно-практическое и социально-экономическое. Все они тесно переплетаются и органично дополняют друг друга, в своей совокупности образуя двустороннюю диалектическую природу адаптации, внутренняя сторона которой связана с социально-психологическим самочувствием адаптантов, формируемыми паттернами восприятия иноэтнической среды, а внешняя характеризуется уровнем вовлеченности адаптирующихся субъектов в повседневную жизнь принимающего общества и моделью взаимоотношений с его членами³.

Немаловажным аспектом аналитического рассмотрения процессов социокультурной адаптации является выделение присущих ей функций, соответствующих двум ранее обозначенным ее сторонам. В частности, можно назвать социализационную функцию, связанную с интеграцией адаптантов в новое общество и иную культуру, приобретением новых социальных ролей и образцов поведения. Другими функциями являются психокоррекционная, выражающаяся в устранении дискомфорта в незнакомой среде и обретении позитивного эмоционально-психологического настроя; социально-перцептивная, связанная с конституированием образов восприятия нового этнокультурного окружения и самоопределением в рамках другого социокультурного фрейма; функция социальной мобильности, воплощающаяся в изменении адаптирующимися индивидами и социальными группами своего социального статуса в новых условиях.

В связи с тем, что специфика социокультурной адаптации и происходящих в ее контексте межэтнических взаимодействий заметно отличается у различных категорий приезжих и мигрантов, таких как иммигрантов (переселенцев), среднесрочных визитеров, например миссионеров, дипработников, студентов, иностранных предпринимателей специалистов-контрактников и прибывающих на краткий срок туристов, участников деловых и научных конференций и т.п., необходимо дифференцировать адаптацию на первичную, длящуюся до двух лет и не подразумевающую трансформацию этнокультурной идентичности адаптантов, а лишь некоторую степень овладения иностранным языком и установление базовых социальных связей с инокультурным окружением и вторичную. Последняя же

³ См.: Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. — М., 2014. С. 310.

предполагает долговременную и глубинную вовлеченность и полноценную социальную жизнедеятельность мигрантов в принимающей стране⁴.

Представить динамику социокультурной адаптации и сопутствующих ей межэтнических интеракций и коммуникаций возможно благодаря концептуальной модели «U-кривой», предполагающей прохождение мигрантами в иноэтнической среде трех основополагающих этапов. Первым из них является так называемый период «медового месяца», с присущими ему эйфорией и оптимизмом; далее следует стадия «культурного шока» или «стресса аккультурации», для которой характерны дезориентация, социально-психологическая неудовлетворенность и фрустрация, наконец, при благоприятном исходе наступает этап обретения социального и психологического комфорта жизни в новом социуме.

Однако при этом следует учитывать, что парадигма «U-кривой», представляет собой идеально-типическую схему актуализации адаптационных процессов и взаимодействий, в то время как на практике все происходит не столь однозначно. Как уже отмечалось, количественные и качественные характеристики адаптации кардинально отличаются у разных категорий прибывающих мигрантов. Отнюдь не все переселенцы начинают свое пребывание в новой стране с этапа «медового месяца», в особенности если культурная дистанция слишком велика и существует резкий контраст между «своими» и «чужими» ценностями и нормами поведения. Визитеры же, в первую очередь туристы, не всегда переживают период культурного шока, поскольку, как правило, покидают посещаемую страну еще до завершения первоначального этапа адаптации. В конечном счете, далеко не каждый переселенец способен пройти до конца весь адаптационный путь; не совладав с негативными последствиями культурного шока, многие мигранты совершают территориальный и культурный эскапизм, переезжая куда-либо еще. Вместе с тем нельзя забывать и о дискретном характере кросс-культурной адаптации, сочетании в ее рамках адаптации как таковой и дезадаптации, т.е. временного, спорадического прерывания процесса активного приспособления.

В связи с вышеизложенным, более детальное и разностороннее представление о протекании процессов межэтнических интеракций между адаптантами и принимающей социокультурной средой дают конкретные модели их актуализации. Содержательное обобщение разработан-

⁴ См.: Татунц С.А. Этносоциология. — М., 2009. С. 59.

ных в науке концепций и анализ существующей социальной практики позволяют говорить о четырех соответствующих базовых поведенческих стратегиях межэтнического взаимодействия. Первая из них носит название «пассивная автаркия» и характеризуется созданием прибывшими в новую страну этнокультурными меньшинствами своеобразных гетто, населенных исключительно своими соотечественниками, наполненных атрибутами родной культуры, помогающими изолироваться от чуждой окружающей действительности. Проявления подобной стратегии поведения в наши дни можно обнаружить во множестве крупнейших мегаполисов мира. В качестве наглядной иллюстрации стоит упомянуть, например, турецкий квартал Кройцберг в Берлине, арабские районы в пригородах Парижа, Брюсселе, Стокгольме, русскоязычный Брайтон Бич в Нью-Йорке, армянские локации в Лос-Анджелесе, индийские и тайские районы в Торонто, бесчисленные китайские кварталы в самых разных крупных городах мира и т.д. Второй стратегической моделью межэтнических и межкультурных взаимодействий является так называемая агрессивная автаркия или культурная колонизация, предполагающая не просто неприятие и отторжение местной культуры принимающего социума, но и агрессивное продвижение, навязывание собственных этнокультурных ценностей и норм поведения автохтонным жителям. В современном мире указанная модель поведения характерна, в частности, для многих радикально настроенных, этноцентрично ориентированных мигрантов из мусульманских регионов Азии и Африки, переехавших в Европу. Третьей из числа рассматриваемых стратегий является ассимиляция, включающая в себя полный отказ адаптантов от своей исконной культуры и своеобразное растворение в социокультурном фрейме принимающей страны. Наконец, четвертой поведенческой моделью межэтнических и кросс-культурных отношений становится аккультурация, она же интеграция, предполагающая сохранение представителями этнических меньшинств своей исходной идентичности, базовых атрибутов культуры и одновременное освоение ценностей, норм, знаний, коммуникативного кода принимающего социума. Данная стратегия в современных условиях является наиболее предпочтительной, хотя и сложнейшей в плане практического осуществления, и подразумевает взаимное движение навстречу, готовность большинства и меньшинства меняться, учиться толерантно принимать иную культуру и ее носителей, адаптировать основные социальные

институты к потребностям и притязаниям всех составляющих полиэтническую нацию групп.

Таким образом, среди названных моделей две первые стратегии поведения представляют собой негативные и контрпродуктивные варианты интеракции и коммуникации, поскольку лишь осложняют межэтническое взаимодействие, препятствуют (как на личностном, так и на социально-групповом уровнях) адекватному взаимовосприятию его участников и стимулируют развитие напряженности и конфликтов между представителями разных культур и народов. Две другие, наоборот, дают возможность совладать с конфликтогенной природой межэтнических и кросс-культурных интеракций, частично ликвидировать барьеры и границы между «своими» и «чужими». Необходимо также помнить, что в действительности избрание определенной стратегии межэтнического общения обусловлено множеством факторов, которые могут быть разделены на три категории: индивидуально-личностные, социально-групповые и макросоциальные. К числу первых следует отнести возраст, образование, профессиональную подготовку конкретных адаптантов, их коммуникабельность, ценностные ориентации, доминирующие мотивы и потребности, личностную самооценку, специфику притязаний и ожиданий, накопленный опыт и др. Ко второй группе причисляются особенности культурных фреймов взаимодействующих этнических субъектов, объективно существующая и субъективно воспринимаемая культурная дистанция между ними. Квинтэссенцией же становятся макросоциальные факторы, включающие политическую и социально-экономическую обстановку в стране-реципиенте и в глобализирующемся мире, особенности иммиграционной и интеграционной политики государства, юридический статус мигрантов, наличие, либо отсутствие системы функционирующих миграционных центров, общественных организаций и объединений соотечественников, например, землячеств, национально-культурных автономий, ассоциаций, реальные масштабы их деятельности, уровень коррупции и преступности, степень безопасности членов общества и т.д.

Следует помнить, что государственная политика интеграции в ходе своего планирования и реализации должна учитывать не только конъюнктурные, но и долгосрочные «вызовы». Принимая во внимание так называемую «проблему второго поколения» мигрантов, можно сделать вывод о недопустимости игнорирования процесса социализации детей

мигрантов «первой волны» (в том числе гастарбайтеров), превращения их в культурно интегрированных и законопослушных граждан, поскольку в противном случае в городах и странах-реципиентах неизбежно появление «трудных кварталов» с огромным конфликтогенным потенциалом. Печальные последствия всего этого уже испытали общества и государства Западной Европы и Северной Америки, и сейчас крайне важно избежать их возникновения в современной России.

Крайне важным в обеспечении гармоничных и конструктивных межэтнических и кросс-культурных взаимодействий различного уровня является совпадение благоприятных факторов их все трех ранее выделенных групп. Именно таким образом может быть заложена прочная основа достижения и поддержания в полиэтнических и мультикультурных сообществах консенсуса, мира и благополучия. Для социологического же анализа наибольшее значение приобретает рассмотрение макросоциального институционализированного контекста и политики государства в области интеграции разнородных этнокультурных сообществ, соприкасающихся и взаимодействующих в одном общественно-территориальном пространстве.

В конце XX — начале XXI вв. в отдельно взятых странах и мире в целом начала складываться тенденция конституирования совершенно иного, по сравнению с прежней социальной практикой, вида государственной интеграционной политики, получившего название «мультикультурализм». Уже само это понятие демонстрирует, что она направлена на достижение консенсусного сосуществования, равенства и партнерства множества различных этнических групп и культур в одной стране. В рамках данной социально-политической доктрины представители этнокультурных меньшинств не ущемляют в правах, не отправляют в подобие гетто, не подавляют и ассимилируют, а, напротив, создают своеобразное «лоскутное одеяло». При этом социальная система и ее базовые институты позволяют переселенцам сохранять исходную культурную самобытность и отличительность, одновременно осуществляя поддержку интеграции и натурализации аллохтонных этноменьшинств. Принято считать, что социально-психологический и идеологический фундамент политики мультикультурализма образует доктрина общественной толерантности. Названное понятие в своем развитии прошло долгий путь от первоначальной интерпретации в качестве терпимости, снисходительности к недостаткам других до современной развернутой дефиниции, содержа-

щейся в Декларации принципов толерантности (принятой в 1996 году Генеральной Ассамблеей ООН). Изучение положений данного международно-правового документа позволяет определить толерантность как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур мира, вариативных форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Предпосылками этого являются знания, открытость, общение, свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это гармония в многообразии, способствующая перспективной замене культуры войны культурой мира. При этом, как особо отмечается в Декларации, в поведенческом плане проявление толерантности отнюдь не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки принудительному навязыванию чужих убеждений, а, напротив, предполагает безусловное и взаимное признание права каждого социального субъекта на индивидуальность и отличительность.⁵

Применительно к желательным действиям политического руководства полиэтнических и мультикультурных стран в рассматриваемой Декларации указывается, что толерантность требует справедливого, беспристрастного законодательства и соблюдения правопорядка, а также предполагает предоставления каждому человеку возможностей для беспрепятственного экономического и социального развития, лишенного любых форм дискриминации. Государствам следует помнить, что отчужденность, пауперизация и маргинализация могут стать причиной подавленности, враждебности, агрессивности и фанатизма, поэтому требуется непрерывное совершенствование не только законодательства, но и правоприменительной практики⁶.

С целью внесения дополнительной ясности в интерпретацию понятия «толерантность» необходимо отметить, что оно, хотя и предполагает перцептивную и поведенческую установку на мирное сосуществование и взаимное уважение гетерогенных социальных акторов, находящихся в одном территориальном пространстве, совершенно не эквивалентно попустительству, вседозволенности и конформизму. Ис-

⁵ Примечание 1: полный текст документа см.: Декларация принципов толерантности. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. А/51/201. 10.VII.1996.

⁶ Примечание 2: подробности обсуждения данной тематики можно найти в: Международные отношения: социологический подход. — М., 2012. С. 56. Проект Российской пресса: учимся освещать проблемы мультикультурализма // www.grani.ru.

ходя из этого, утверждение концепции социальной толерантности в современном полиэтническом и мультикультурном обществе одновременно подразумевает формирование определенных критериев и стандартов приемлемого поведения, а также бескомпромиссное пресечение деструктивной, противозаконной и антигуманной деятельности со стороны как большинства, так и меньшинства.

В идеальном варианте своего практического воплощения основывающаяся на идеологии толерантности интеграционная политика мультикультурализма ориентирована на содействие государства и иных общественных институтов эгалитарному и полноценному развитию в одной стране разнообразных этнокультурных общностей, борьбе с депривацией и дискриминацией, обеспечению гражданам с различной этнической, расовой, конфессиональной идентичностью равных шансов при получении образования, трудоустройстве, социальной мобильности и т.п. Однако при этом следует иметь в виду, что по-настоящему эффективный мультикультурализм не должен ограничиваться одним лишь мирным сосуществованием в общем социально-территориальном пространстве гетерогенных этносов и культурных систем, поскольку оно при неблагоприятных обстоятельствах может трансформироваться в нестабильный конгломерат, состоящий из взаимно отчужденных и разнонаправленных локальных сообществ. Во избежание подобной проблемы мультикультурной нации требуется активизировать интегративные межэтнические и кросс-культурные коммуникации, в конечном счете позволяющие достичь консолидации различных этнических, расовых, конфессиональных субъектов в органически солидарное гражданское общество с присущей ему системной культурой.

Вместе с тем следует признать, что мультикультурализм как особый тип интеграционной политики государства становится не только самым прогрессивным и конструктивным, но и невероятно сложным с точки зрения своего практического осуществления. Исторически первыми странами, провозгласившими и легализовавшими мультикультуралистскую концепцию на общегосударственном уровне ⁷, еще в 70-е годы XX столетия стали Канада и Австралия. В наши дни приверженца-

⁷ Первоначальное же формирование теоретико-методологических основ мультикультурализма связывают с появившейся в 1916 году концепцией культурного плюрализма американского социолога Х. Каллена. См. Salins P.D. Assimilation, American style — multiculturalism and ethnic relations // www.findarticles.com.

ми соответствующей социально-политической идеологии и практики являются многие западные полиэтнические общества и государства-реципиенты. Обобщенный социологический анализ сложившихся международных реалий позволяет, таким образом, определить наиболее характерные черты, проблемы и тенденции, присущие именно фактически сформировавшемуся на Западе мультикультурализму.

В первую очередь, обращает на себя внимание функционалистский и весьма прагматический характер политики мультикультурализма. По сути, в каждом конкретном случае ее провозглашение и реализация были нацелены на стабилизацию социальной обстановки и разрешение определенных проблем и противоречий, возникших между разнородными этнокультурными субъектами в рамках одного государства. Например, в Канаде мультикультурализм стал «ответом» на существовавший «вызов» сепаратизма в Квебеке. Пытаясь примирить ориентированное на сепессию франкоязычное квебекское население и встревоженное этим англоязычное большинство жителей страны, канадские власти объявили ключевым приоритетом своей политики создание мультикультурного, но отнюдь не многонационального в политическом смысле, общества. Тем самым официальное закрепление социокультурного многообразия не должно было противоречить сохранению целостности страны. В ситуации с Австралией реализация политики мультикультурализма со стороны государства оказалась, прежде всего, продиктована макросоциальной потребностью в активном привлечении большого количества трудовых мигрантов, приезжающих в основном из Юго-Восточной Азии. Таким образом власти страны пытались переломить негативные демографические и социально-экономические тенденции развития собственного государства.

В США питательной средой для масштабного продвижения общественно-политического дискурса мультикультурализма в массовое сознание и социальную практику стала преобладающая склонность политического и экономического истеблишмента избегать формационного подхода и социально-классового анализа. Напротив, возникающие в обществе противоречия чаще принято сводить к конфликту ценностей и ментальностей. Как следствие, «корень зла» вместо экономического базиса ищется в идеологической надстройке, приводя к гипертрофированию значения культурной и психологической гармонизации отношений гетерогенных этносоциальных субъектов. Прагматическая природа государственной актуализации мультикультурализма наглядно проявилась и

в Германии. Известно, что иницилирующими апологетами и лоббистами рассматриваемого типа интеграционной политики стали представители крупного промышленного капитала (и поддерживаемый ими политический блок ХДС/ХСС), обеспокоенные осложнением ситуации на рынке труда в связи с недостаточным притоком новой рабочей силы⁸.

Еще одним характерным свойством реализовавшегося в западных странах мультикультурализма являются его ярко выраженная либеральная ориентированность, провозглашение фундаментальности и безусловности культурной отличительности каждой этнической, расовой, конфессиональной, лингвистической группы и считающееся компенсацией за вековое угнетение и депривацию признание практически абсолютных свобод и прав меньшинств. Одновременно реальные социальные последствия политики мультикультурализма в значительной мере остались очень далеко от изначально предполагавшейся идиллической картины. Так, в странах Западной и Северной Европы, Северной Америки либерально-ориентированный мультикультурализм стал всерьез подрывать основы единства и стабильности едва ли не каждого соответствующего государства. Парадоксальным образом в данном случае совпали деструктивные устремления радикальных либеральных активистов, современных анархистов и агрессивных этнонационалистов в составе меньшинств. Совместными усилиями они пытались поставить под сомнение оправданность и объективную необходимость наличия в полиэтнической стране единой национальной культуры, государственного языка, общей системы образования, унифицированного коммуникационного и юридического пространства. В качестве предлагаемой альтернативы, по сути, продвигалось создание децентрализованного и нестабильного конгломерата из гетерогенных, слабо связанных друг с другом локальных социокультурных и административно-правовых образований во главе с местными этническими элитами.

Наряду с этим в различных сферах общественной жизни, начиная с социально-экономической, отличительной чертой западной модели мультикультурализма явилась реализация политики так называемой «позитивной дискриминации», применяемой к расовым и этническим меньшинствам, в том числе образуемым и мигрантами. Подобный подход

⁸ См.: Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. — М., 2012.

предполагает предоставление им множества социальных льгот и пособий, квот и преференций, в частности, в области политического представительства, при зачислении в вузы, трудоустройстве, включая получение привлекательных и престижных позиций в разных сегментах рынка труда, вплоть до шоу-бизнеса. Сначала осуществление указанного курса позиционировалось как временная мера, до тех пор пока не удастся достичь ликвидации дисбаланса в распределении социальных благ и ресурсов, после чего можно будет вернуться к либеральным принципам общественного устройства с заложенными в них ценностями формального равенства всех людей, невзирая на какие-либо расовые, этнические и прочие отличия. Однако впоследствии обнаружилось, что безболезненно отказаться от проведения в жизнь такой политики весьма затруднительно, принимая во внимание даже шквал критики и противоречивые оценки ее эффективности. Различные категории меньшинств и их конкретные представители, получившие благодаря «позитивной дискриминации» всевозможные преференции и бонусы в производственной, социальной, политической и культурной сферах, решительно воспротивились отказу от подобной практики. Более того, представители второго-третьего поколений переселенцев, в отличие от первого, начали сравнивать уровень и качество своей жизни не с ситуацией на «исторической родине», а со статусом и возможностями автохтонных групп населения принимающей страны. Все это породило у новой генерации этнических меньшинств дополнительные социальные притязания и агрессивную форму поведения (в том числе, массовые протесты, преступления, экстремистскую и террористическую деятельность). События 2020 г., связанные с активизацией радикального крыла движения «Black lives matter», а также серия жестоких убийств на этноконфессиональной почве во Франции стали очередным печальным подтверждением обозначенных выше тенденций.

Складывающаяся ситуация вполне естественно породила недовольство этнокультурного большинства и повышение в макросоциальном масштабе уровня конфликтности межэтнических и межрасовых и кросс-культурных взаимодействий. Парадоксальным образом общественно-политическая практика западного мультикультурализма, призванная освободить страны-адепты от пороков и несправедливости прошлого, в итоге по мере своей актуализации, создала и закрепила новую форму сегрегации, сегментирования социума и его инфраструктуры по признакам этничности, конфессиональности, языковой и расовой идентичнос-

ти. При этом даже попытки критического осмысления и публичного выражения недовольства возникшими болезненными проблемами и двойными стандартами в объяснении их причин, по существу, стали табуированными из-за утвердившейся идеологии политкорректности. Последняя же совсем не эквивалентна толерантности и фактически вводит императивное требование игнорировать, умалчивать и попустительски относиться к неприглядным социальным явлениям и поведенческим актам, в особенности совершаемым представителями этнокультурных и расовых меньшинств, вместо того, чтобы добиваться подлинного устранения. Между тем усиление притока мигрантов в страны Западной Европы и Северной Америки (в том числе, вследствие военных действий на Ближнем Востоке) и дальнейшие трудности интеграции переселенцев в новый для них социум привели к очередному нарастанию межэтнической напряженности, конфликтогенной активности, увеличению влияния этнонационалистических партий среди автохтонного населения. Разрешение назревших противоречий и проблем в наши дни продолжает оставаться одной из сложнейших задач и вызовов для нынешнего западного мультикультурализма.

Подводя итоги, можно констатировать, что, как показывает формирующийся в современном мире социальный опыт, отнюдь не каждый вариант общественно-политической практики мультикультурализма обладает созидательным потенциалом развития всестороннего и консолидационного межрасового, межэтнического, кросс-культурного взаимодействия в том или ином государстве и во всем глобализирующемся мире. Сложившаяся на Западе мультикультуралистская модель, вследствие присутствующих ей стратегических просчетов, противоречивости и уязвимости, в значительной мере оказалась скомпрометирована в глазах критически мыслящей международной общественности. С учетом уже известных ошибок современным полиэтническим странам, в том числе и России, требуется более совершенная версия демократической интеграционной политики культурного плюрализма. Последний в свою очередь должен быть ориентирован не только на сохранение и развитие этнокультурного многообразия, но и на активизацию многосторонней межэтнической кооперации, формирование макросоциальных систем, структур и институтов объединительной направленности, консолидирующих представителей различных культур, рас и народов в качестве граждан одной страны и обитателей общего для всех Дома под названием Земля.

Применительно к перманентно происходящим в рамках мирового сообщества международным миграциям следует помнить, что они являются важнейшей неотъемлемой составной частью интернациональных отношений, а для каждой отдельно взятой страны — фактором (и нередко угрозой) ее национальной безопасности. В этом смысле формирование и практическая реализация эффективной миграционной и интеграционной политики (в том числе, по полноценной адаптации переселенцев в принимающем обществе) становятся ключевой проблемой развития современных полиэтнических государств, регионов и человечества в целом.

Список литературы

1. Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология. — М.: Макс Пресс, 2011. 260 с.
2. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. — М., 2012.
3. Портал глобальных данных о миграции. [Электронный ресурс] // https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Проспект, 2014. 320 с.
5. Татунц С.А. Этносоциология. — М.: МАЛП, 2009. 140 с.
6. Kivisto P. Multiculturalism in a Global Society. Oxford, 2012. 380 p.

References

1. Lebedeva N.M. Etnicheskaya i kross-kulturnaya psikhologiya. — M.: Maks Press. 2011. 260 s.
2. Multikulturalizm i transformatsiya postsovetских obshchestv / Pod red. V.S. Malakhova i V.A. Tishkova. — M., 2012.
3. Portal globalnykh dannykh o migratsii. [Elektronnyy resurs] // https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019.
4. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya. — M.: Prospekt. 2014. 320 s.
5. Tatunts S.A. Etnosotsiologiya. — M.: MALP. 2009. 140 s.
6. Kivisto P. Multiculturalism in a Global Society. Oxford. 2012. 380 p.